

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

А.А. МАЛЬЦЕВ

Гипотеза о техницистской истории экономической мысли*

В статье рассмотрены сильные и слабые стороны основных современных подходов к изучению истории экономической мысли. Автор выделяет главные преграды, препятствующие изучению истории экономических учений в контексте эволюции мирового хозяйства. Доказывается необходимость возрождения былого единства истории экономической мысли и истории экономики. Сформулированы и обоснованы основные положения авторского подхода к рассмотрению эволюции экономических учений – техницистской истории экономической мысли (ТИЭМ).

Ключевые слова: история экономических учений, научное сообщество, техницистская история экономической мысли, технология широкого применения, эволюция мировой экономики.

Начало XXI столетия стало важным этапом в развитии истории экономических учений (ИЭУ) как общественно-научной дисциплины. Расставшись с образом “сторожа”, охраняющего для редких ценителей кладбище теоретической рухляди, историки экономической мысли пополнили ряды многоликого сообщества философов и социологов науки. Параллельно произошло дружественное “вторжение” в ИЭУ литературоведов, политологов и даже журналистов. Интенсификация междисциплинарного взаимообогащения привела к серьезному пересмотру методологических ориентиров и стандартов, используемых современными экспертами в области истории экономической мысли. Все большую популярность в ИЭУ стали набирать исследования, в которых идеи прошлого помещаются в разноплановые контексты. Красочные описания культурно-исторических условий, в которых генерировали свои идеи экономисты прошлого, не типичные для загроможденных графиками и формулами трудов в области истории экономического анализа, сделали контекстуализированную ИЭУ привлекательной для многих гуманитариев и тем самым закрыли еще недавно казавшуюся неразрешимой проблему кадрового голода. Появление новых специализированных журналов, регулярное проведение тематических конференций и съездов профильных ассоциаций вкупе с практически поголовным, как показало наше исследование [Мальцев 2015], стремлением студентов-экономистов рассматривать ИЭУ “с учетом обстоятельств времени и места” [Weintraub 2001, p. 280] наводит на мысли о том, что будущее “новой” истории экономической мысли, насыщенной богатым гуманитарным контекстом, выставлено розами.

* Статья выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК-5700.2016.6.

Впору воскликнуть: “Rex mortuus est, vivat rex”. Однако, думаю, за кажущимся наконец-то безоблачным теоретико-методологическим горизонтом кроются опасные подводные камни. В целом поддерживая контекстуальный поворот в ИЭУ, я, тем не менее, полагаю, что некоторые распространённые в современном историко-экономическом дискурсе подходы (подробнее см. [Мальцев 2016]), при не критическом восприятии, ведут к измельчанию объекта изучения и их методологического арсенала, что недостаточно для полноценного развития истории экономических учений. Поэтому крайне важно определиться с “увеличительным стеклом”, через которое предстоит рассматривать экономические воззрения прошлых лет.

Конструктивистский и культурологический подходы к изучению ИЭУ

В последние годы одной из наиболее популярных среди специалистов по ИЭУ стала конструктивистская методология. В принципе конструктивизм не является “гомогенной” программой изучения ИЭУ. Тем не менее различные его течения имеют общий “знаменатель”. Э. Вайнтрауб формулирует его как “теоретическую комбинацию философского прагматизма, литературного постмодернизма, постмодернистской историографии и риторики” (цит. по [Backhouse 1992, p. 59]). Примерный круг вопросов, занимающих умы ученых-конструктивистов, один из ярчайших их представителей – А. Кламер описывает следующим образом: “Мы пытаемся выяснить, почему сохраняются разногласия, почему английский Кембридж проиграл в так называемой полемике о капитале американскому Кембриджу... какое влияние оказали на развитие экономической теории в пятидесятые годы военные ведомства и что происходит в аспирантуре” [Кламер 2015, с. 159].

Возможно, именно так и надо изучать ИЭУ. Ведь такая история экономической мысли, сплетающая в единую канву детали биографии великих экономистов, грандиозные научные открытия и важнейшие события эпохи, не должна вызвать приступа скуки даже у самого пылкого позитивиста, с жизненным кредо в виде девиза “наука есть измерение”. В самом деле, что может быть увлекательнее установления влияния идей И. Ньютона на творчество А. Смита, сила которого, если верить знаменосцу конструктивизма Д. Макклоски, помогла раздуть пламя индустриальной революции. Не менее захватывающим представляется изучение того, как очарованные открытиями в области термодинамики У. Девонс, Л. Вальрас, а позднее В. Парето, Ф. Эджуорт и И. Фишер уподобили экономикой физике, что привело к рождению неоклассического экономикса, ставшего, по мнению некоторых исследователей, одним из главных виновников Великой рецессии. В поистине приключенческо-детективном духе разворачивается сюжет работ, в которых повествуется о воздействии холодной войны и роли всемогущих силовых структур в усилении математического характера экономической науки стран Запада.

Казалось бы, перед нами оптимальная концепция, наконец-то позволяющая взглянуть на ИЭУ не как на «соус к современному экономическому анализу... предназначенный для придания исторического “привкуса” моделям» [Marcuzzo 2008, p. 110]. Попутно открывается возможность вернуться к великой традиции Й. Шумпетера предпосылать “истории (экономического. – А.М.) анализа изложение ее чрезвычайно широко понимаемого контекста” [Автономов 2001, с. X]. Однако, чем ярче солнце, тем контрастнее тени. Как я уже отмечал [Мальцев 2016], антипатия к предопределенности и взаимосвязанности изменений в сфере ИЭУ объединяет конструктивистов и постмодернистов. Это означает, что из прекрасно обработанных конструктивистских “блоков” нельзя построить сколько-нибудь надежное “здание”, поскольку это будет противоречить убеждению сторонников конструктивистской методологии в ИЭУ о неприемлемости нанесения “клея” между отдельными “кирпичиками” экономических воззрений.

При этом некоторые конструктивисты даже не озадачиваются вопросом о происхождении этих “кирпичей”. Например, Макклоски именует экономические идеи “темной

материей истории” [McCloskey 2010, p. 447]¹. Впрочем, большинство сторонников конструктивизма все-таки пытаются найти “земные” корни экономических концепций. Важная предпосылка их поиска – представление ИЭУ не как хроники открытий отдельных гениев, а как продукта совместных действий многих ученых. Очевидно, что для анализа истории экономической мысли под этим углом зрения требуется рассмотрение специфики функционирования научных сообществ. Для такого рода изысканий конструктивисты прибегают к популярным среди современных историков приемам “микроистории”, ориентированной на изучение феноменов “малого масштаба и иногда даже одиночного явления” (цит. по [Lamoreaux 2006, p. 555]). Последователи конструктивизма берутся за методологический “скальпель” и приступают к рассечению научного контекста, окружающего экономические воззрения прошлых лет, на бесчисленное количество миниэпизодов. После этого препарирования конструктивисты обычно выносят вердикт: экономические теории есть порождение определенных научных культур и переговоров между их носителями. Так обнажается истинное конструктивистское восприятие экономической науки. Как выясняется, ее специфика рождается из ритуалов сдачи экзаменов; светской болтовни и сплетен на конференциях; церемоний защиты диссертаций; архитектурной ауры университетских кампусов; особенностей научно-этических стандартов и сетей неформальных контактов, а также художественной литературы, стоящей в шкафах домашних библиотек экономистов [Кламер 2015].

Такая забота о “мелочах”, изумительное описание важных деталей генезиса и эволюции экономических теорий “изнутри” профессии, до которых “классическим” специалистам по ИЭУ обычно просто нет никакого дела, обеспечивают конструктивистским интерпретациям экономических идей как продукта “разговоров” внутри научных сообществ большое будущее. С одной стороны, эту тенденцию следует всячески приветствовать, поскольку она пробуждает интерес к истории экономической мысли, с другой – конструктивистская ИЭУ выглядит исключительно неустойчивой структурой, составляющие элементы которой изолированы друг от друга. Последствия этого изъяна конструктивизма легче всего объяснить словами Г. Гегеля: “...собрание разрозненных знаний не составляет науки” [Гегель 1993]. Поэтому есть веские основания сомневаться, что такая композиционно рыхлая, “бесстержневая” история экономической мысли, чьи эпигоны с трудом скрывают восторг относительно постмодернистской теории познания, характеризующейся дефундаментализмом, то есть «”несвязанностью” с фактами мира “как он есть”» и обрывочностью или, иначе говоря, “интерпретацией реальности... как комплекса не связанных друг с другом образов, событий” [Толкачëв 2015, с. 424], может быть тем самым увеличительным стеклом, через которое только и нужно рассматривать ИЭУ. Я убежден, что одного изучения научной среды для понимания логики ее развития недостаточно; оно должно вписываться в более широкий контекст.

Его поиски нередко приводят в сферу культуры. Изображение экономической мысли в качестве сгустка определенных культурологических традиций отдельных эпох и народов кажется весьма заманчивым историографическим занятием. Лишь безнадежных позитивистов могут оставить равнодушными написанные прекрасным литературным языком работы лорда Р. Скидельски, показывающие, как климат духовно-культурного обновления эдвардианской Британии повлиял на мироощущение Дж. М. Кейнса и отпечатался в его экономических воззрениях [Skidelsky 1983]. Культурологические трактовки ИЭУ могут не только доставлять эстетическое удовольствие, но и, в хорошем смысле слова, шокировать профессиональное сообщество. Скажем, помещение творчества Л. Вальраса в контекст эпохи перехода от позднего романтизма к логическому позитивизму привело голландского исследователя А. Йолинка к выводу о том, что лозаннский ученый на самом деле был эволюционным экономистом [Jolink 1996].

Даже невооруженным взглядом легко заметить, что “культурологические” истоки экономической мысли по широте контекста, в котором они рассматривают

¹ Детальный анализ воззрений Д. Макклоски на логику экономико-исторического процесса см. в [Заостровцев 2014, с. 204–227].

экономическую теорию, превосходят конструктивистов. Благодаря их стараниям, ИЭУ шагнула за пределы университетской аудитории и кулуаров конференции, куда ее “заточили” сторонники конструктивизма. Блестящая передача духа времени, демонстрация влияния доминирующих в социуме мыслительных традиций на этос экономистов, выявление влияния своеобразия национальной культуры на экономическую теорию превращают культурологическую ИЭУ в своеобразную пещеру Алладина, наполненную историографическими сокровищами, которую не хочется покидать. Однако блеск драгоценностей не делает реконструкции ИЭУ в культурном контексте свободными от недостатков. Более того, представляется, что по числу ахиллесовых пят “культурологи” ничуть не уступают конструктивистам.

Во-первых, несопоставимость и уникальность культур, определяющих в глазах данной группы исследователей специфику экономических теорий, вынуждает их отказать от единой ИЭУ, скрепленной общими принципами эволюции. Следовательно, как и в случае с конструктивизмом, мы имеем дело лишь с расширенными версиями микроисторий. Кроме того, “культурологи” не скрывают, что ИЭУ для них вторична, первично же изучение культуры, породившей ту или иную экономическую концепцию. Во-вторых, сторонники поиска родословной экономических концепций в сфере культуры, как правило, не утруждают себя детальным описанием механизмов кристаллизации новых или обновления старых экономических идей. Чаще всего их вполне устраивают объяснения в духе Дж. М. Кейнса, который уподобил экономические концепции ниспосылаемым свыше божественным откровениям.

В такой постановке вопроса становится понятным, почему после знакомства с трудами некоторых “культурологов” трудно отделаться от ощущения, что идеи возникают на историографической сцене словно некий *Deus ex Machina*, появляющийся из-за кулис в самый неожиданный момент и волшебным образом решающий (иногда и, наоборот, усугубляющий) все социально-экономические проблемы. Типичный пример подобных представлений – увязка отмены хлебных законов с их критикой Д. Рикардо. Не менее распространены обвинения К. Маркса в создании теории, воодушевившей В. Ленина, И. Сталина и Мао Цзэдуна на чудовищные социальные эксперименты. Еще популярнее представление Дж. М. Кейнса спасителем капитализма и сокрушителем Великой депрессии. Тогда как М. Фридмана нередко изображают в роли Мефистофеля, искусившего западный истеблишмент коварной идеей разрушения велферизма.

Как видим, переход от конструктивистских микроисторий к культурологическим мезоисториям хотя и расширяет контекст историографических исследований, но не только не избавляет от недостатков, свойственных конструктивистской ИЭУ, но и добавляет новые проблемы. Главная из них – игнорирование вопроса: почему развивается культура, оказывающая столь значительное влияние на экономистов, которые, в свою очередь, становятся новыми пророками. Для ответа на него, по-моему, требуется выйти за пределы науковедческого и национально-культурного контекста и рассмотреть воздействие на ИЭУ социально-экономической среды.

Впрочем, это вовсе не означает, что достоинства конструктивистской и культурологических программ исследования ИЭУ (признание релятивности экономического знания, отрицание возможности подгонки воззрений прошлого под современные теоретические “выкройки”, учет воздействия культурологических факторов, др.) несовместимы с анализом влияния на нее изменений глобального хозяйственного ландшафта. Один из возможных набросков сценария такого “союза” можно отыскать в трудах Н. Чернышевского, предлагавшего дополнить справедливый тезис английского историка Т. Бокля, что “история движется развитием знания”, принципом, “по которому и умственное развитие как политическое, и всякое другое зависят от обстоятельств экономической жизни”. В итоге, по Чернышевскому, можно получить “полную истину: развитие двигалось успехами знания, которое преимущественно обуславливалось развитием трудовой жизни и средств материального существования” (цит. по [Семёнов 2013, с. 329–330]). К сожалению, данная точка зрения не пользуется популярностью среди современных экономистов. О причинах этого – в следующем разделе статьи.

Изучение истории экономических учений в контексте эволюции мирового хозяйства

У попыток показать влияние материальной среды на сферу идей давняя история. Конечно, велик соблазн сходу наклеить на подобные рассуждения ярлык “ультра-марксизма” с его признанием первичности материи и вторичности сознания. Однако в ряды безоглядных сторонников учения Маркса вряд ли можно записать Э. Селигмена, Г. Шмоллера, К. Эйрса, Дж. Ходжсона, Г. Стэндинга, чьи труды пронизывает рефрен: “...идеи развиваются и создаются в изменяющихся (техничко-институциональных. – *А.М.*) условиях” [Hodgson 2015]. Однако каким бы длинным ни выглядел список ученых, разделяющих подобные воззрения, следует признать, что данный взгляд на развитие ИЭУ давно утратил популярность в кругах экономистов-теоретиков и не получил широкого распространения среди методологов и историков науки. На мой взгляд, главная причина неприятия гипотезы о взаимосвязи между хозяйственными переменами и трансформациями в экономическом мышлении кроется в разных, но одинаково враждебных данной установке философских принципах, распространенных в современной экспертной среде. Рассмотрим их подробнее.

С конца XIX в. стандартом научного мышления среди магистрального течения экономической мысли стал позитивизм (подробнее см. [Татаркин, Мальцев 2015]). Экономисты воспринимают данный философский принцип буквально: “наука может быть только аксиоматической и математической”, а “научную сферу надлежит отделить от сферы образов, ценностей, красот, добродетелей и всех других неизмеряемых вещей” [McCloskey 1998, p. 142]. Лейтмотивом такого видения науки стал знаменитый афоризм лорда У. Кельвина: “...если вы можете измерить и выразить в числах то, о чем говорите, – вы знаете это; но если вы не можете измерить, если не можете выразить числами, – ваши знания скудны и недостаточны” (цит. по [Роджерс 1970, с. 457]). Неудивительно, что в наши дни мейнстрим экономической теории ощущает себя социальной физикой, чьи “законы точно такие же, как в физике, и, будучи однажды правильными, правы всегда” (цит. по [McLure 2001, p. 69]). О прочном укоренении веры в неизменный характер экономических законов ярко свидетельствуют слова нобелевского лауреата Дж. Стиглера: “...закон спроса, действительно, верен для всех потребителей, всех времен, всех товаров” (цит. по [Hodgson 2001, p. 236]).

В таком контексте становится понятным, почему ученые “основного русла” отвергают предложения заняться изучением связи между технико-экономическими сдвигами и переменами в экономическом знании. Ведь если экономическая наука подвержена влиянию хозяйственных сдвигов, то окажется, что законы *economics*, тщательнейшей надеждой не уступать физике в своем прогностическом потенциале, вовсе не универсальны и уж тем более не “имеют одинаковой силы во все времена” [Tieben, Keizer 1997, p. 4]. Другими словами, допустив отсутствие в экономике вневременных “закономерностей, аналогичных тем, которые найдены в естествознании”, мы надламываем веру мейнстримных экономистов в то, что их дисциплина “есть наука... способная опираться на те же общие принципы и методы классической термодинамики и, в целом, Физики” (цит. по [Faggini Parziale 2012, p. 1]).

“Технобоязнь” методологов экономической науки и других гуманитариев, представители которых в настоящее время активно занимаются исследованиями в области ИЭУ, коренится в других обстоятельствах. Во-первых, этому немало поспособствовали сторонники объяснения всех социальных явлений изменением производительных сил. Чего стоят только бескомпромиссные заявления французского технофилософа Ж. Эллюля (1912–1994 гг.), что “экономика может быть одним из условий технологического прогресса или, наоборот, препятствием на его пути, но она никогда не оказывает на него доминирующего воздействия и не является его причиной” [Оганесян 2009]. Столь плохо замаскированный технорадикализм надолго исключил технологию из сферы научных интересов гуманитариев. Во-вторых, начиная с третьей четверти XX в., технология стала казаться им рудиментом ушедшей эпохи модерна с ее механицизмом,

упорядоченностью и структурированностью. В пришедшей ей на смену эре постмодернизма вместо фетишизации научной рациональности появился новый культ эмоций и чувств. Многим обществоведам рубежа второго и третьего тысячелетий даже сам термин “технология” начал резать слух своим “холодом и математичностью” [Marx, Smith 1994, р. IX]. А попытки видеть в технологии предпосылку общественного развития и во все теперь именуется образцом отвратительного детерминизма, своеобразной отрыжки модерна, вызывающей у “просвещенных” специалистов лишь гримасу отвращения.

Получается, что попытки “технологизировать” ИЭУ оказываются между позитивистской наковальной и постмодернистским молотом. В таких условиях, возможно, действительно, стоит отказаться от попыток интегрировать технологический фактор в изучение эволюции экономической мысли. Ведь Л. Роббинс еще в 1932 г. обстоятельно обосновал тезис, согласно которому изменения “технической и социальных сред... не важны для экономиста” [Robbins 1932, р. 37]. В свою очередь, многим влиятельным современным методологам и историкам экономической мысли, не скрывающим симпатии к постмодернизму, в любом стремлении увязать изменения в технико-экономической среде с переменами в экономической мысли мерещится воскрешение столь претящего их убеждениями омерзительного призрака технологического детерминизма. Думаю, закрыв глаза на роль технологического фактора в развитии ИЭУ, экономисты и методологи серьезно обедняют экономическую науку. Это утверждение нуждается в дополнительных пояснениях.

Интеграция ИЭУ и “экономической истории технологических изменений”

Как точно заметил Роббинс, “экономисты не интересуются техникой как таковой” [Robbins 1932, р. 36–37]. Увы, но и в наши дни ситуация практически не изменилась: большинство экономистов “основного русла” по-прежнему “игнорируют технологию как фактор производства и как главный мотор экономических изменений” [Bunge 1999, р. 253]. Симптоматично, что В. Леонтьева уже на склоне лет среди всех изъянов экономической теории едва ли не больше всего тревожил “недостаточный интерес сегодняшних экономистов к институциональным изменениям, вызванным появлением новых технологий”, которые нобелевский лауреат “однозначно считал движущей силой” [Foley 2007, р. 28]. Конечно, можно списать подобные сетования на возраст ученого, ностальгирующего по временам своей научной юности, когда он занимался изучением воздействия технологических сдвигов на экономику США [Landefeld, McCulla 1999, р. 9]. Все же, думается, здесь другое: Леонтьев рассмотрел в “технофобии” современных экономистов нечто большее, чем просто выход из теоретической моды его открытий.

Мейнстрим экономической науки возражает не против исследования роли технологии как таковой, а противится изучению процессов социально-экономической эволюции (одним из главных двигателей которой как раз выступают технологические инновации), поскольку привык изучать застывшие картины хозяйственной жизни при помощи “вечных” экономико-теоретических законов [Snooks 1994, р. 43]. Отсюда и абсолютно логичный для мейнстримного экономиста вывод: экономическая теория статична во времени и не подвержена какому-либо влиянию извне. Ее развитие, как утверждает Р. Лукас, идет лишь по линии “улучшения абстрактных аналоговых моделей, но не улучшения вербальных описаний реального мира” (цит. по [Tabb 1999, р. 168]). “...Базовый взгляд на экономику... – постулирует нобелевский лауреат, – мы взяли у Смита и Рикардо, и больше не было никаких новых парадигм или парадигмальных изменений или сдвигов...” [Lucas 2013, р. 513].

Подобное, деликатно скажем, специфическое видение ИЭУ может выглядеть безобидной бравадой неопитов, желающих своим внеисторическим рвением оправдать претензии на принадлежность экономикс к точным наукам с их кажущимися универсальными и непреходящими законами. Однако, если продолжать верить словам

Р. Коуза о том, что “развитие экономической теории не сильно зависит от текущих событий в экономическом мире” [Coase 1982, p. 22], и следовать формуле М. Фридмана: новые идеи – это старое вино в новых, математических, бутылках [Friedman 1991], то современные экономисты-теоретики будут обречены на перемалывание архаичной теоретической субстанции в красивой математической ступе. Такие концептуальные установки, помимо серьезных затруднений с выработкой “нового экономического мышления, которое может помочь найти ответы на великие вызовы XXI века” [Institute...], приводят к неспособности мейнстрима предвидеть хозяйственные потрясения, поскольку “кризисы не случаются в их учебниках” [‘N’ is for History...].

Естественно, опрометчиво полагать, что формировавшиеся столетиями теоретико-методологические принципы будут быстро заменены новыми. Тем не менее альтернативы постепенной и дозированной релятивизации экономического знания, то есть обязательного учета социально-исторического и вместе с ним технико-экономического контекста при изучении различного рода теоретических вопросов, наверное, просто не существует. Радует, что в последние годы все больше ученых склоняются к мнению, что “трансформация теорий отражает трансформацию экономических систем” [Ольсевич 1998, с. 24].

Впрочем, следует помнить, что чрезмерное увлечение идеями относительности экономической мысли может привести к ситуации, когда лекарство способно оказаться хуже болезни. Так, в наши дни среди историографов и методологов экономической науки лидирующие позиции заняли радикальные постмодернисты, провозгласившие своей целью разрушение ложной в их представлении веры в возможность нахождения “универсальной истины, мира или лучшей жизни” [Кламер 2015, с. 243]. Возражая против любых попыток универсализаций, сторонники постмодернизма бесконечно дробят контекст(ы), окружающие экономические теории прошлого. Признавая значимость изучения малоизвестных историко-экономических жемчужин, к тому же под необычным углом зрения, я, тем не менее, полагаю, что избыточная тяга современных специалистов к жанру “мини”-, в крайнем случае “мезо”-историй, чревата для ИЭУ малопредсказуемыми последствиями. Пока лишь можно отметить, что изучение ИЭУ под историографическим “микроскопом” постепенно выливается в замену “истории историями” и потерю навыков работы с метатеоретическим контекстом [Breisach 2003, p. 137].

На мой взгляд, такого рода “деквалификация” чревата тем, что все богатство ИЭУ может превратиться в “не более чем камерные пьесы, работы без широкой значимости” [Steele 2013, p. 3]. К слову сказать, какими бы недостатками ни обладала та же марксистская историография, она предоставляла некую канву для анализа истории экономической мысли с глубокой древности до современности. В настоящее время такие широкие методологические исследовательские матрицы вышли из моды. Историки экономических учений, стесняясь любых попыток историографических генерализаций, убеждают себя и других в ненужности “большой” ИЭУ. Примечательно, что многие современные гуманитарные предметы давно не испытывают постмодернистских неловкостей в отношении всеобъемлющих нарративов. Скажем, макросоциология, занимающаяся “исследованием механизмов и моделей крупных, долгосрочных исторических процессов и феноменов”, с начала 1990-х гг. занимает вполне respectable нишу в рамках социологии [Rozov 2009]. Среди историков набирает силу движение “Большая история” (Big history), представители которой уверены: “в течение следующих пятидесяти лет мы увидим возвращение древней традиции – универсальной истории” [Christian 2010, p. 6].

По-моему, нет оснований полагать, что ИЭУ не способна встроиться в данные тенденции. Конечно, вопрос о том, насколько “широкая” история экономических учений будет интересна экономистам, остается открытым. Однако, как показало исследование значения ИЭУ для российской студенческой аудитории, больше всего данную дисциплину ценят студенты, обучающиеся в МГУ им. М.В. Ломоносова, которым кафедра истории народного хозяйства и экономических учений читает экспериментальный курс, комбинирующий историю мысли с историей экономики [Мальцев 2015]. Думается, что и среди состоявшихся экспертов, уставших от чрезмерной склонности современного исторического дискурса “к микроисторической мелочишке” (цит. по [Орлов 2010]), найдется

немало желающих заняться рассмотрением ИЭУ на фоне эволюции хозяйственного ландшафта мирового хозяйства. Таким образом, назревшее стремление перейти к “большой истории”, фокусирующейся на выявлении этапов развития экономической мысли и поиске законов их эволюции, ставит на повестку дня задачу укрепления сотрудничества ИЭУ с другими гуманитарными науками, и прежде всего с экономической историей, способной обеспечить историю мысли столь необходимым широким контекстом.

Здесь нужно сделать важное уточнение. Из большого разнообразия направлений экономической истории наиболее подходящим “кандидатом” на заключение союза с ИЭУ видится “экономическая история технологических изменений” (*economic history of technological change*), чье становление и развитие связывают с именами таких ученых, как Н. Ламоро, Э. Мансфилд, Дж. Мокир, А. Пейкс, К. Соколофф, М. Трайтенберг, З. Хан и др. Причины выбора именно этого направления в качестве “союзника” ИЭУ предопределяются несколькими обстоятельствами. Думаю, именно в его рамках удастся наиболее полно раскрыть процессы взаимовлияния различных факторов на развитие человеческой цивилизации. Признавая значительную, если не решающую роль технологий в “формировании и изменении экономических, социальных и политических институтов, а также наших поведенческих моделей” [Lipsey, Carlaw, Bekar 2005, p. 12], данные ученые стараются пройти между Харибдой технологического детерминизма, постулирующего полную зависимость истории от технологических новшеств, и Сциллой социального конструктивизма, доказывающего, что история есть “субъективная социальная реальность... создающаяся в ходе переговоров внутри сообщества социальных акторов” [Хие 2014, p. 19]. Пытаясь сгладить эту дихотомию, экономические историки технологий на обширном историческом материале демонстрируют, “как технологии и технологические системы изменяют человеческие отношения и общество”, и одновременно показывают, “как технология модифицируется социальными, экономическими и политическими силами” [Rip, Kemp 1998, p. 328]. Поэтому есть немало оснований полагать, что такая широкая (как по глубине охвата, так и по богатству палитры анализируемых факторов, влияющих на социально-экономическое развитие) история, к тому же свободная от выраженного привкуса кого-либо детерминизма, станет надежной базой для возрождения былого единства двух дисциплин-“сестер” – ИЭУ и экономической истории.

По-видимому, идею синтеза истории экономической мысли и “технологической экономической истории”, показывающего “эволюционную соотнесенность духа и общества”, вынашивал в своих планах, но не успел реализовать Шумпетер. Обращая внимание на совпадение 50-летних “длинных волн” с появлением крупных трудов по экономической теории, профессор университета Хитоцубаши Ю. Шионоя формулирует эту грандиозную задачу как комбинацию “Бизнес циклов” Шумпетера с его же “Историей экономического анализа” [Shionoya 2012, p. 590–591]. Однако за без малого семь десятилетий, прошедших после кончины великого австрийского экономиста, в литературе не появилось сколько-нибудь значимого числа работ, где бы рассматривались процессы взаимосвязи экономических идей с хозяйственной жизнью, движимой появлением новых технологий. Таким образом, проблема сведения ИЭУ и экономической истории в одно исследовательское поле по-прежнему ждет своего решения.

Техницистская история экономической мысли: общая постановка проблемы

Одно из основных затруднений, с которым сталкивается любой исследователь влияния хозяйственного строя на экономическую науку, – фактически неизбежная “встреча” с упреком в грубом детерминизме и упрощенчестве. В самом деле, трудно поверить в то, что Дж. М. Кейнс осознал необходимость создания мультипликатора накопления только под влиянием Великой депрессии. Попытки связать происхождение аналитических построений Ф. фон Хайека с переменами в социально-экономической действительности и вовсе обречены на справедливую обструкцию. В таких условиях стремление привнести в изучение ИЭУ технологический фактор может показаться обреченным на

неудачу. Однако выход из данной ситуации существует: его можно найти в *magna opus* Шумпетера – “Истории экономического анализа”.

Как известно, австрийский ученый предложил различать историю экономической мысли (ИЭМ), раскрывающую “влияние общественных воззрений на выбор проблем, которые интересуют аналитиков в каждый данный период, и на общий подход к этим проблемам”, и историю экономического анализа (ИЭА), изучающую “средства анализа”, используемые экономистами прошлого [Шумпетер 2001, с. 45, 47]. При этом ИЭА имеет стойкий “иммунитет” к влиянию хозяйственно-исторического процесса. К примеру, нельзя сказать, что на открытия Е. Слуцкого повлияли какие-то внешние причины, равно как, наверное, бесполезно искать некий хозяйственный подтекст в аналитических находках “протомаржиналистов” О. Курно и Ж. Дюпои. Совсем иная ситуация складывается при рассмотрении ИЭМ. Ведь изменения в *общей проблематике экономических исследований*, как правило, зависят от “реальных исторических изменений” [Цвайнерт 2008, с. 25]. Трудно не заметить, что глубокие сдвиги в экономической мысли совпадают с крупными изменениями в материальных условиях хозяйствования. Например, появление целого созвездия работ авторов, впоследствии названных классиками политической экономии, “стыкуется” по времени с началом перехода хозяйственных систем стран Западной Европы из аграрного в промышленное состояние, а монетаристская контрреволюция совпадает с началом взрывания в недрах индустриального строя ведущих государств ОЭСР постиндустриальной составляющей.

В свою очередь, “смена общественных воззрений по экономическим вопросам”, вызванная изменением “окружающей обстановки”, создает спрос на новые направления экономического анализа [Шумпетер 2001, с. 47]. Без определенного взаимоналожения материальных и организационных условий новинки в сфере инструментария изучения социально-экономических явлений могут десятилетиями игнорироваться мейнстримом научного сообщества. Такая ситуация, в частности, сложилась в 1950–1960-е гг. вокруг фридмановской версии монетаризма, к которому находившиеся в зените своей интеллектуальной славы кейнсианцы относились как к концептуальной некрофилии и эксгумации давно отжившей свой век количественной теории денег Д. Юма [Davies 2002, р. 402]. Для изменения подобных представлений потребовался затяжной кризис 1970-х гг. Именно после этих событий монетаристы, ранее имевшие реноме “чудаков из Чикагского университета, занятых безобидными интеллектуальными упражнениями” [Mehrling 1982, р. 62], превратились в передний край экономической науки. Без перестройки хозяйственного ландшафта последней трети XIX в. открытия всего “трио предельной полезности” могли повторить судьбу аналитических схем Г. Госсена и остаться пылиться на полках библиотеки. Недаром Д. Норт считал главной причиной, “сделавшей важнейшие предпосылки неоклассического экономикс реальными”, “вторую экономическую революцию” конца XIX в. [North 1991, р. 209].

Таким образом, можно предположить, что ИЭА и ИЭМ развиваются под воздействием разных факторов. Если ИЭА рассматривает ретроспективу гениальных озарений людей и является продуктом внутринаучного происхождения, то ИЭМ представляет собой своеобразную летопись перемен в общей проблематике экономических исследований, возникающих под давлением трансформации социально-экономической среды. Вполне естественно, что ИЭА и ИЭМ нуждаются в разных способах изучения. ИЭА целесообразно исследовать под “мощным приближением” описанных выше конструктивистско-культурологических методов, позволяющих объяснить то, как, скажем, различия в университетском этосе английского и американского Кембриджей вылились в битву о теории капитала. Однако, по-моему, данная методология едва ли способна пролить свет на причины крупных мировоззренческих сдвигов калибра утверждения в 1950-е гг. “45-градусного” кейнсианства в роли мейнстрима экономической науки в странах авангарда мирового хозяйства.

Очевидно, что для рассмотрения таких вопросов требуется другая исследовательская “оптика”. В частности, конструктивисты или “культурологи” чаще всего “не замечают” параллелей между различными этапами развития ведущих стран мировой экономики и трансформацией экономической теории. Однако это не их вина: нельзя требовать от

микроскопа функций подзорной трубы. Поэтому в арсенале специалиста по ИЭУ должны находиться различные “оптические приборы”, позволяющие анализировать ее не только вглубь, но и вширь. Вооружившись мощной “рассеивающей линзой”, нетрудно заметить, что нарастание депрессивных тенденций в экономическом климате ведущих западноевропейских держав второй половины XVIII в. совпало с началом отторжения меркантилизма; “долгая депрессия” 1873–1896 гг. ознаменовалась обострением критики классической политической экономии; Великая депрессия стала холодным душем для приверженцев неоклассической экономической доктрины; энергетические шоки 1970-х гг. обнажили беспомощность “хиксианского кейнсианства”, и т.д. Если воспользоваться концепцией “технологий широкого применения” (ТШП)² и сопоставить предложенную Р. Липсеєм, К. Карлоу и К. Бекаром хронологию появления технико-организационных инноваций [Lipsey, Carlaw, Becar 2005, p. 132] с основными вехами в развитии ИЭУ, то обнаружится достаточно любопытная картина. Глубокие сдвиги в экономической мысли происходят в ходе кризисов, совпадающих с ситуацией, метко названной В. Полтеровичем “инновационной паузой”, возникающей, когда морально устаревшие ТШП исчерпывают свои возможности в качестве генератора экономического роста, а перспективные ТШП еще не способны выступить в роли локомотива хозяйственного прогресса [Полтерович 2009] (см. табл.).

Таблица

Соотношение социально-экономических кризисов, замещения ТШП и изменений в экономической мысли

Экономический кризис	Морально устаревшие ТШП	Перспективные ТШП	Перемены в экономической мысли
Экономический спад 1762–1790 гг.	Трехмачтовый корабль, книгопечатание	Паровой двигатель, фабричная система	Закат меркантилизма и популяризация либерального экономического мышления
Финансовый кризис 1847–1848 гг.	Паровой двигатель, фабричная система	Железные дороги, металлические пароходы	Закрепление за классической школой экономической теории статуса мейнстрима
“Долгая депрессия” 1873–1896 гг.	Железные дороги, металлические пароходы	Двигатель внутреннего сгорания и электричество	Трансформация классической политической экономии в неоклассический экономикс
Великая депрессия 1929–1933 гг.	Двигатель внутреннего сгорания, электричество	Система массового производства, автомобили, самолеты	Рождение кейнсианской макроэкономики
Структурный экономический кризис 1970–1980-х гг.	Система массового производства, автомобили, самолеты	Компьютеры, бережливое производство, Интернет	Монетаристское “восстание” против кейнсианства
Великая рецессия 2007–2009 гг.	Компьютеры, бережливое производство, Интернет	3D печать, робототехника, искусственный интеллект, нанотехнологии	Рост интереса к альтернативным направлениям экономической теории, продолжение тренда на плюрализацию мейнстрима и углубление междисциплинарных связей

Составлено по [Andes, Muro 2015; Desai, Magliocca 2013; Lipsey, Carlaw, Becar 2005, p. 132].

² Эту концепцию впервые предложили Т. Бреснахан и М. Трайтенберг [Bresnahan, Trajtenberg 1992]. Наиболее распространенные примеры ТШП – domestikация растений и животных, колесо, письменность, паровой двигатель, электрический привод, двигатель внутреннего сгорания, ЭВМ, пр., каждая из которых знаменует начало нового этапа в развитии человечества.

Другое важное наблюдение, которое можно сделать, рассматривая влияние материальной сферы на ИЭУ, состоит в том, что выход экономик развитых стран из кризисного ступора знаменуется созданием некоего синтетического труда, кодифицирующего основные наработки в области экономической мысли, созданные в предшествующие годы, и устраняющего наиболее острые несоответствия между теорией и практикой. Яркие примеры – работы А. Смита, Дж. С. Милля, А. Маршалла и П. Самуэльсона (подробнее см. [Düppe 2011, p. 41]).

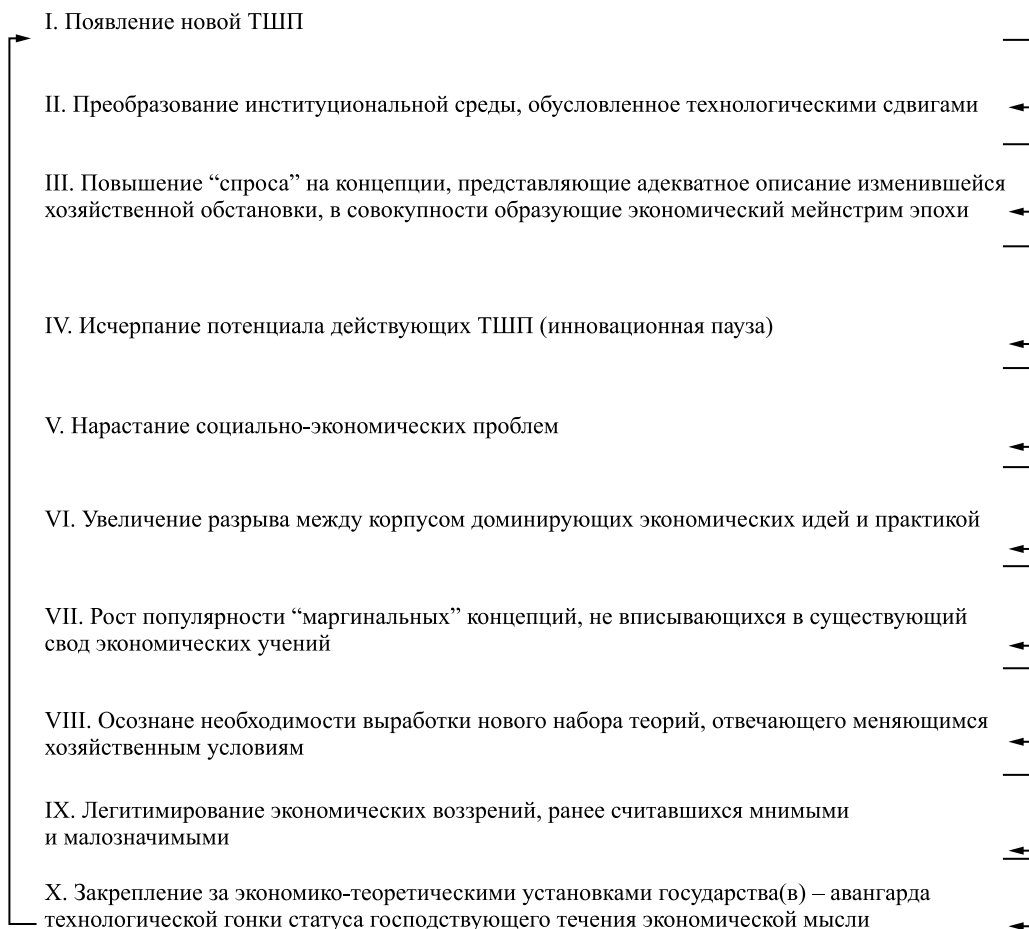
Эти замечания наталкивают на два вывода. Во-первых, новаторские идеи окончательно закрепляются в сознании профессионального сообщества после кризисов, вероятно, связанных с процессом замещения ТШП. Во-вторых, периодические хозяйственные потрясения являются триггером кризисов экономической мысли, образующих неотъемлемый элемент развития ИЭУ. Функция последних двояка: с одной стороны, они высвечивают застойные моменты в экономическом знании, с другой – выступают в роли мощного катализатора восприятия старых–новых экономических концепций³.

При рассмотрении ИЭУ в контексте эволюции мировой экономики не менее важен вопрос о периодической смене доминирующих систем экономических взглядов, совпадающей с появлением новых стран – хозяйственных гегемонов. Данная идея озвучивалась Г. Гловели [Гловели 2013], Ю. Латовым [Латов 2007]. Пожалуй, наиболее лаконично суть этой концепции изложил М. Покидченко: “... научное лидерство (в мировой экономической науке. – А.М.) отражало реальный уровень развития соответствующих стран” [Покидченко 2012, с. 11]. Это важное замечание нуждается в дополнительных уточнениях. Экономическая мысль, действительно, как писал Шумпетер, “отражает идеологию конкретной страны и конкретной эпохи” [Шумпетер 2001, с. 46], но главным фактором, определяющим ее специфику, выступают отнюдь не “корневые особенности менталитета населения страны, его ценностные традиции, своеобразие духовной и мыслительной практики” [Рязанов 2011, с. 30], а характерные черты социально-экономических отношений, сложившихся в том или ином государстве.

Профессор Сассекского университета Д. Уинч поясняет эту идею на примере английской экономической мысли рубежа XVIII–XIX вв.: «... британские способы экономического мышления – научные, популярные или официальные – образуют неотъемлемую часть летописи “реальной экономики”... процессы, сделавшие Британию “первой промышленной нацией”, даровали политической экономии титул “английской науки”» [Winch 2002, p. 4]. По “гамбургскому счету”, английская классическая политэкономия вполне могла именоваться итальянской или, скажем, голландской классической политической экономией, если бы на Апеннингах или берегах Шельды наличествовали необходимые технико-институциональные предпосылки для теоретизирования. Таким образом, Великобритания, став пионером в освоении изобретений, относящихся к первому–второму технологическим укладам, обеспечила своей экономической мысли статус мейнстрима на протяжении практически всего XIX в. Однако утрата к началу XX в. Соединенным Королевством технологического доминирования (подробнее см. [Мальцев 2014]), и переход США в 1930–1950-е гг. в ранг инновационного лидера глобальной экономики привели к изменению расклада сил на экономико-теоретической арене, что вылилось в сохраняющуюся и по сей день “американоцентричность” экономического дискурса. Отсюда напрашивается вывод о том, что восхождение нового государства на вершину мирового научно-технического пьедестала сопровождается “сменой вех” в экономическом знании.

Как видим, в настоящее время историко-экономическое сообщество обладает необходимым концептуальным инструментарием для укрепления межпредметного сотрудничества между экономической историей и ИЭУ. Настало время собрать разрозненные детали для выработки метода изучения эволюции экономических идей в контексте развития мирового хозяйства. Суммируя вышеизложенное, предлагаю следующий подход, направленный на “интеграцию экономической мысли в историю экономических и социальных изменений” [Berg 1980, p. 6], который я называю *техницистской историей экономической*

³ Близкие идеи относительно роли кризисов в развитии экономической мысли высказывает О. Ананьин [Ананьин 2012].

Рис. Эволюция экономических учений в рамках ТИЭМ.

мысли (ТИЭМ). Ее концептуальное ядро формируют пять основных принципов. Во-первых, с глубокой древности экономические взгляды формируются и модифицируются обществом, которое, в свою очередь, меняется под воздействием технологических новшеств. Во-вторых, крупные сдвиги в экономических воззрениях совпадают с активизацией внедрения в хозяйственный оборот очередной ТШП. В-третьих, страны – лидеры в освоении технико-организационных нововведений в период своего технологического доминирования становятся законодателями экономико-теоретической “моды”. В-четвертых, периодические “кризисы” в развитии экономического знания возникают во время “инновационной паузы”, когда происходит запаздывание в замещении устаревшего набора сопряженных технологий более современным, что инициирует процесс трансформации культурно-институциональной среды, высвечивающий накопившиеся несоответствия концептуальных постулатов прошлого современным хозяйственным реалиям. В-пятых, по мере роста посткризисной технико-экономической парадигмы формируется новая экономическая ортодоксия, инкорпорирующая в себя теоретические аномалии предшествующей эпохи, которая лучше отвечает вызовам времени и изменившейся интеллектуальной атмосфере (общий алгоритм развития экономической мысли в русле ТИЭМ представлен на рисунке).

Данная схема нуждается в некоторых пояснениях. Во-первых, считая технологию одним из важнейших источников периодических трансформаций глобального хозяйства, я, тем не менее, не являюсь технологическим детерминистом. Технологический прогресс не

оказывает непосредственного влияния на экономическую мысль. Каналом, связывающим мир идей с технологической сферой, выступает общество. Именно сдвиги в его интеллектуальных обычновениях, часто возникающие под воздействием развития технологий, помогают экономистам создавать и популяризировать новые идеи или модернизировать старые воззрения. Во-вторых, ТИЭМ не является сугубо экстерналистской концепцией развития ИЭУ. Разделяя тезис М. Фридмана, что “изменение в состоянии общественного мнения осуществляется практикой, а не теорией или философией” [Friedman 2002, р. XIII], я не отрицаю колоссальной роли внутренних факторов в развитии экономической мысли. Однако без определенного “приложения” внешних по отношению к экономической науке факторов многие из ее наработок не получают должной оценки. Поэтому представляется абсолютно справедливым следующее замечание А. Мельцера: “идеи – это альтернативы, которые ждут, чтобы кризис стал катализатором изменений” (цит. по [Кляйн 2011, с. 189]). В-третьих, ТИЭМ не претендует на всеобъемлемость. Это всего лишь один из возможных способов рассмотрения ИЭУ в контексте развития мирового хозяйства, позволяющий сблизить историю экономической мысли и экономическую историю, а также разнообразить методологический арсенал историков науки, в котором ныне наблюдается крен в сторону изучения “миниисторий”.

* * *

В 1990–2010-е гг. “контекстуальная революция” и общая плюрализация методологии ИЭУ привели к росту популярности конструктивистского и культурологического подходов к изучению экономической мысли. В глазах многих экспертов данные методологические приемы исследования ИЭУ выглядят чуть ли не панацеей от всех ее невзгод. Признавая колоссальный потенциал конструктивистских и культурологических способов анализа ИЭУ, особенно в части привлечения новых кадров из гуманитарных дисциплин, я возражаю против слабо закамуфлированных притязаний конструктивистов и “культурологов” на методологическую монополию.

Попадание историко-экономического сообщества в сети “чар” конструктивистско-культурологической методологии, со свойственной ей трактовкой идей в качестве продукта определенных академических традиций и национальных культур, вывело “широкие” исследования ИЭУ в разряд архаики. Сообразно постмодернистскому духу времени, яростно противящемуся любому метанарративу и видящему едва ли не в каждой попытке найти причинно-следственные связи стремление к “ложной универсальности” [Woods 1999, р. 21], современным экспертам в области истории экономической мысли гораздо более перспективным представляется жанр “миниисторий”, в рамках которых изучаются “небольшие практики, локальные события, а не крупномасштабные глобальные концепции” [Klages 2006, р. 169]. Между тем коллеги специалистов в сфере ИЭУ по обществоведческому цеху постепенно избавляются от постмодернистского наваждения и осознают необходимость «возрождения “великих нарративов”» [Pinar 2013, р. 50], позволяющих ученому “отойти от мозаики отдельных элементов и увидеть всю картину или, по крайней мере, ее большую часть” (цит. по [Friis 2013, р. 22]).

С целью предотвращения отставания от актуальных теоретико-методологических тенденций историкам экономической мысли следует преодолеть инерцию постмодернистских табу на рассмотрение идей в широком контексте и взяться за расширение исследовательских горизонтов, открывающих возможность для новых историографических генерализаций. Однако это вовсе не означает, что богатые заделы, созданные представителями конструктивистского и культурологического подходов к изучению ИЭУ, утратили свою злободневность. Экспертам следует научиться пользоваться “бифокальными линзами”, предоставляющими возможность, с одной стороны, рассматривать мельчайшие нюансы строения анализируемых концепций, с другой – видеть всю панораму эволюции экономической мысли.

Если по проблеме выбора инструментария для изучения небольших эпизодов развития ИЭУ уже сложился определенный консенсус (пожалуй, лучше всего с этой задачей

справляется конструктивистско-культурологическая методология), то в арсенале приемов анализа долгосрочных тенденций развития экономических учений еще трудно выделить метод-фаворит. Поэтому вопрос о том, какую исследовательскую “оптику” предпочтут для решения этой задачи историки мысли, остается открытым. Пока лишь можно предположить, что, судя по набирающему обороты в смежных отраслях знания тренду на усиление мультидисциплинарности, одним из элементов новой программы исследований эволюции ИЭУ, возможно, станет сближение истории экономики с ИЭУ.

Думаю, одной из связывающих их нитей, может стать технико-экономический фактор, взятый в социально-историческом контексте. Предлагаемая ТИЭМ позволяет проследить взаимовлияние технологических сдвигов, общественных изменений и перемен в экономическом знании начиная с глубокой древности и до наших дней. Представляется, что она способна уберечь ИЭУ от постмодернистской расхлябанности и одновременно продемонстрировать историческую относительность экономических учений, тем самым предотвратив ложное деление экономических воззрений прошлых лет на “правильные” и “ошибочные”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Автономов В.С. (2001) История от Шумпетера // Шумпетер Й.А. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа. С. IX–XIII.

Ананьин О.И. (2012) Экономическая теория – дитя кризисов? // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. М.: НИУ ВШЭ. Кн. 4. С. 366–375.

Гегель Г.В.Ф. (1993) Лекции по истории философии. Кн. 1: 1816–1826 (<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000389/st001.shtml>).

Гловели Г.Д. (2013) История экономических учений. М.: Юрайт.

Заостровцев А.П. (2014) О развитии и отсталости: как экономисты объясняют историю? СПб.: Изд-во Европейского ун-та.

Кламер А. (2015) Странная наука экономика: приглашение к разговору. М.–СПб.: Изд-во Ин-та Гайдара–Международные отношения–Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.

Кляйн Н. (2011) Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф. М.: Добрая книга.

Латов Ю.В. (2007) Парадоксы истории экономических учений и их объяснение при помощи концепции мир-системного анализа // Историко-экономические исследования. Т. 8. № 3. С. 24–48.

Мальцев А. (2015) История экономических учений, *quo vadis?* // Вопросы экономики. № 3. С. 126–150.

Мальцев А. (2014) К вопросу о социально-экономическом “закате” крупных государств: *praeteritum et praesens* // Мировая экономика и международные отношения. № 11. С. 115–124.

Мальцев А.А. (2016) Методологический ландшафт истории экономических учений: новые историографические альтернативы и возможности // Вестник Московского ун-та. Сер. 6. Экономика. № 1. С. 44–63.

Оганесян Т. (2009) Стремя, породившее феодализм // Эксперт. № 29. С. 9–15.

Ольсевич Ю. (1998) Хозяйственная трансформация и трансформация теории // Вопросы экономики. № 5. С. 14–28.

Орлов И.Б. (2010) Микроистория: “атомизация” исторической реальности или ее иной образ? (<https://www.hse.ru/data/2010/03/13/1231126164/%D0%9C%D0%B8%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F.pdf>).

Покидченко М.Г. (2012) Социально-экономическая мысль России середины XVIII–начала XX в. // Покидченко М.Г., Сперанская Л.Н., Дробышевская Т.А. Пути развития экономики России: теория и практика. М.: ИНФРА-М. С. 11–55.

Полтерович В. (2009) Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. № 6. С. 4–22.

Роджерс Э. (1970) Физика для любознательных. Т. 2. М.: Мир.

Рязанов В. (2011) Политическая экономия особенного: начала русской исследовательской традиции // Российский экономический журнал. № 5. С. 22–48.

Семёнов Ю.И. (2013) Философия истории. Общая теория исторического процесса. М.: Академический проект, Триеста.

Татаркин А. И., Мальцев А. А. (2015) История экономических учений: оценка прошлого и перспективы будущего // Журнал экономической теории. № 2. С. 93–106.

Толкачёв С. А. (2015) Экономическая теория и философия постмодернизма // История экономических учений. М.: Юрайт. С. 421–439.

Цвайнерт Й. (2008) История экономической мысли в России, 1805–1905. М.: ГУ ВШЭ.

Шумпетер Й. А. (2001) История экономического анализа. Т. 1. СПб.: Экономическая школа.

Andes S., Muro M. (2015) Robots are Infiltrating the Growth Statistics // Brookings. 27.04.2015 (<http://www.brookings.edu/blogs/the-avenue/posts/2015/04/27-robots-growth-statistics-andes-muro>).

Backhouse R.E. (1992) Rejoinder: Why Methodology Matters // Methodus. Vol. 4. No. 2. Pp. 58–62.

Berg M. (1980) The Machinery Question and the Making of Political Economy, 1815–1848.

Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Breisach E. (2003) On the Future of History: the Postmodernist Challenge and Its Aftermath. Chicago–London: Univ. of Chicago Press.

Bresnahan T.F., Trajtenberg M. (1992) General Purpose Technologies: “Engines of Growth?”. NBER Working Paper. No. 4148.

Bunge M. (1999) Social Science under Debate: a Philosophical Perspective. Toronto–Buffalo–London: Univ. of Toronto Press.

Christian D. (2010) The Return of Universal History // History and Theory. Vol. 49. Is. 4. Pp. 6–27.

Coase R. H. (1982) George J. Stigler: an Appreciation // Regulation. November–December. Pp. 21–24.

Davies D. (2002) A History of Money: from Ancient Times to the Present Day. Cardiff: Univ. of Wales Press.

Desai D. R., Magliocca G.N (2013) Patents, Meet Napster: 3D Printing and the Digitization of Things // The Georgetown Law Journal. Vol. 102. Pp. 1691–1720.

Düppe T. (2011) The Making of the Economy: a Phenomenology of Economic Science. Lanham: Lexington Books.

Faggini M., Parziale A. (2012) The Failure of Economic Theory. Lessons from Chaos Theory // Modern Economy. No. 3. Pp. 1–10.

Foley D.K. (2007) An Interview with Wasily Leontief // Inside the Economist’s Mind. Malden: Blackwell Publishing. Pp. 15–32.

Friedman M. (2002) Capitalism and Freedom. Chicago–London: Univ. of Chicago Press.

Friedman M. (1991) Old Wine in New Bottles // The Economic Journal. Vol. 101. No. 404. Pp. 33–40.

Friis E. E. (2013) Postmodernism, Globalization and the Metanarratives of Global- world-transnational and Big-history: an Enquiry into How the Metanarratives of Contemporary Historiography Indicate a Shift of Paradigm Beyond Postmodernism. Lund: Lund Univ. Libraries.

‘H’ is for History of Economic Thought (<http://nzinitiative.org.nz/Media/Insights/The+A-Z+of+economic+literacy/H+is+for+history+of+economic+thought.html>).

Hodgson G. (2015) Conceptualizing Capitalism. How the Misuse of Key Concepts Impedes our Understanding of Modern Economies // Books & Ideas.net. 05.07.2015 (http://www.booksandideas.net/IMG/pdf/20150507_conceptualizing_capitalism.pdf).

Hodgson G.M. (2001) How Economics Forgot History: the Problem of Historical Specificity in Social Science. London–New York: Routledge.

Institute for New Economic Thinking (<http://www.foreurope.eu/index.php?id=923>).

Jolink A. (1996) The Evolutionist Economics of Leon Walras. London–New York: Routledge.

Klages M. (2006) Literary Theory: a Guide for the Perplexed. New York–London: Continuum.

Lamoreaux N.R. (2006) Rethinking Microhistory: a Comment // Journal of the Early Republic. Vol. 26. Pp. 555–561.

Landefeld J. C., McCulla S.H. (1999) Wasily Leontief and His Contributions to Economic Accounting // Survey of Current Business. March. Pp. 9–11.

Lipsey R. G., Carlaw K.I., Bekar C.T. (2005) Economic Transformations: General Purpose Technologies and Long Term Economic Growth. Oxford: Oxford Univ. Press.

Lucas R.E. (2013) Keynote Address to the 2003 HOPE Conference: My Keynesian Education // Collected Papers on Monetary Theory, by R.E. Lucas, Jr. Cambridge (Mass.)–London: Harvard Univ. Press. Pp. 503–516.

Marcuzzo M.C. (2008) Is History of Economic Thought a “Serious” Subject? // Erasmus Journal for Philosophy and Economics, Vol. 1. Iss. 1. Pp. 107–123.

Marx L., Smith M.R. (1994) Introduction // Does Technology Drive History? The Dilemma of Technological Determinism. Cambridge (Mass.): The MIT Press.

McCloskey D.N. (2010) Bourgeois Dignity: Why Economics Can’t Explain the Modern World. Chicago: Univ. of Chicago Press.

- McCloskey D.N. (1998) *The Rhetoric of Economics*. Madison: Univ. of Wisconsin Press.
- McLure M. (2001) *Pareto, Economics and Society: the Mechanical Analogy*. London: Routledge.
- Mehrling P. (1982) *Testing Monetarism // Challenge*. Vol. 25. No. 4. Pp. 62–65.
- North D.C. (1991) *Transaction Costs, Institutions, and Economic History // The New Institutional Economics: a Collection of Articles from the Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Tübingen: Mohr.
- Pinar W.F. (2013) *Curriculum Studies in the United States: Present Circumstances, Intellectual Histories*. New York: Palgrave Pivot.
- Rip A., Kemp R. (1998) *Technological Change // Human Choice and Climate Change*. Vol. 2: *Climate Change Resources and Technology*. Columbus: Battelle Press.
- Robbins L. (1932) *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. London: Macmillan.
- Rozov N.S. (2009) *The Historical Macrosociology: Formation, Fundamental Areas of Research and Types of Models // Sociology: History, Theory, and Practices*. Vol. 10. *Bridging the World Together*. Moscow: Institute of Socio-political Research RAS. Pp. 24–35.
- Shionoya Y. (2012) *Joseph Alois Schumpeter: the Economist of Rhetoric // Handbook of the History of Economic Thought: Insights on the Founders of Modern Economics*. New York–Heidelberg: Springer.
- Skidelsky R. (1983) *John Maynard Keynes*. Vol. 1: *Hopes Betrayed, 1883–1920*. London: Macmillan.
- Snooks G.D. (1994) *Portrait of the Family within the Total Economy: a Study in Longrun Dynamics, Australia 1788–1990*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Steele H. (2013) *Microhistory and Macrohistory: Different Approaches to the Analysis of History* (<https://historiasenconstruccion.wikispaces.com/file/view/macromicro.pdf>).
- Tabb W.K. (1999) *Reconstructing Political Economy: the Great Divide in Economic Thought*. London–New York: Routledge.
- Tieben B., Keizer W. (1997) *Introduction: Austrian Economics in Debate // Austrian Economics in Debate*. London: Routledge. Pp. 1–22.
- Weintraub E.R. (2001) *Making Economic Knowledge: Reflections on Golinski's Constructivist History of Science // Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 23. Is. 2. Pp. 277–282.
- Winch D. (2002) *Introduction // The Political Economy of British Historical Experience, 1688–1914*. Oxford: Oxford Univ. Press. Pp. 1–31.
- Woods T. (1999) *Beginning Postmodernism*. Manchester–New York: Manchester Univ. Press.
- Xue J. (2014) *Economic Growth and Sustainable Housing: an Uneasy Relationship*. Abingdon– New York: Routledge.

Hypothesis about Technicist History of Economic Thought

MALTSEV A.*

* *Maltsev Alexander* – candidate of sciences (Economics), associate professor, Ural State University of Economics. Address: 62, 8 March st., Yekaterinburg 620144, Russian Federation. E-mail: almalzev@mail.ru.

Abstract

The article examines the strengths and weaknesses of the major contemporary approaches to the study of the history of economic thought. Major obstacles impeding the study of the history of economic thought in the context of the evolution of the world economy are systematized. The necessity of the revival of the former unity of history of economic thought and economic history is proved. The main provisions of the author's approach to the study of evolution of economic thought – technicist history of economic thought / TIEM are formulated and substantiated.

Keywords: history of economic thought, scientific community, technicist history of economic thought, general purpose technology, evolution of the global economy.

REFERENCES

- Anan'in O.I. (2012) Ekonomicheskaya teoriya – ditya krizisov? [Economic Theory – a Child of Crises?] *XII mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya po problemam razvitiya ehkonomiki i obshchestva* [XII International Academic Conference on Economic and Social Development]. Moscow: HSE. Book 4, pp. 366–375.
- Andes S., Muro M. (2015) *Robots are Infiltrating the Growth Statistics* (<http://www.brookings.edu/blogs/the-avenue/posts/2015/04/27-robots-growth-statistics-andes-muro>).
- Avtonomov V. S. (2001) *Istoriya ot Shumpetera* [History from Schumpeter]. Shumpeter J. A. *Istoriya ehkonomicheskogo analiza* [Schumpeter J. A. History of Economic analysis]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola, pp. IX–XIII.
- Backhouse R.E. (1992) Rejoinder: Why Methodology Matters. *Methodus*, vol. 4, no. 2, pp. 58–62.
- Berg M. (1980) *The Machinery Question and the Making of Political Economy, 1815–1848*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Breisach E. (2003) *On the Future of History: the Postmodernist Challenge and Its Aftermath*. Chicago–London: Univ. of Chicago Press.
- Bresnahan T.F., Trajtenberg M. (1992) General Purpose Technologies: “Engines of Growth?”, *NBER Working Paper*, no. 4148.
- Bunge M. (1999) *Social Science under Debate: a Philosophical Perspective*. Toronto–Buffalo–London: Univ. of Toronto Press.
- Christian D. (2010) The Return of Universal History. *History and Theory*, vol. 49, iss. 4, pp. 6–27.
- Coase R. H. (1982) George J. Stigler: an Appreciation, *Regulation*. November–December, pp. 21–24.
- Davies D. (2002) *A History of Money: from Ancient Times to the Present Day*. Cardiff: Univ. of Wales Press.
- Desai D. R., Magliocca G.N (2013) *Patents, Meet Napster: 3D Printing and the Digitization of Thing*. *The Georgetown Law Journal*, vol. 102, pp. 1691–1720.
- Düppe T. (2011) *The Making of the Economy: a Phenomenology of Economic Science*. Lanham: Lexington Books.
- Faggini M., Parziale A. (2012) The Failure of Economic Theory. Lessons from Chaos Theory, *Modern Economy*, no. 3, pp. 1–10.
- Foley D.K. (2007) An Interview with Wasily Leontief. *Inside the Economist's Mind*. Malden: Blackwell Publishing, pp. 15–32.
- Friedman M. (2002) *Capitalism and Freedom*. Chicago–London: Univ. of Chicago Press.
- Friedman M. (1991) Old Wine in New Bottles. *The Economic Journal*, vol. 101, no. 404, pp. 33–40.
- Friis E. E. (2013) *Postmodernism, Globalization and the Metanarratives of Global- world-transnational and Big-history: an Enquiry into How the Metanarratives of Contemporary Historiography Indicate a Shift of Paradigm Beyond Postmodernism*. Lund: Lund Univ. Libraries.
- Gegel' G.V.F. (1993) *Lekcii po istorii filosofii. Kn. 1: 1816–1826* [Lectures on the history of philosophy. Book 1: 1816–1826] (<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000389/st001.shtml>, accessed April 6, 2016).
- Gloveli G. D. (2013) *Istoriya ehkonomicheskikh uchenij* [History of Economic Thought]. Moscow: Yurait.
- 'H' is for History of Economic Thought (<http://nzinitiative.org.nz/Media/Insights/The+A-Z+of+economic+literacy/H+is+for+history+of+economic+thought.html>, accessed April 6, 2016).
- Hodgson G. (2015) *Conceptualizing Capitalism. How the Misuse of Key Concepts Impedes our Understanding of Modern Economies* (http://www.booksandideas.net/IMG/pdf/20150507_conceptualizing_capitalism.pdf, accessed April 6, 2016).
- Hodgson G.M. (2001) *How Economics Forgot History: the Problem of Historical Specificity in Social Science*. London–New York: Routledge.
- Institute for New Economic Thinking* (<http://www.foreurope.eu/index.php?id=923>, accessed April 6, 2016).
- Jolink A. (1996) *The Evolutionist Economics of Leon Walras*. London–New York: Routledge.
- Klages M. (2006) *Literary Theory: a Guide for the Perplexed*. New York–London: Continuum.
- Klamer A. (2015) *Strannaya nauka ehkonomika: priglasenie k razgovoru* [Strange Science of Economics: an Invitation to Talk], Moscow–St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House, Mezhdunarodnye otnosheniya–Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University.
- Klyajin N. (2011) *Doktrina shoka: rascvet kapitalizma katastrof* [The Shock Doctrine: the Rise of Disaster Capitalism], Moscow: Dobraya kniga.

- Lamoreaux N.R. (2006) Rethinking Microhistory: a Comment. *Journal of the Early Republic*, vol. 26, pp. 555–561.
- Landefeld J.C., McCulla S.H. (1999) Wasily Leontief and His Contributions to Economic Accounting, *Survey of Current Business*, March, pp. 9–11.
- Latov Yu.V. (2007) Paradoksy istorii ehkonomicheskikh uchenij i ih ob'yasnenie pri pomoshchi koncepcii mir-sistemnogo analiza [History of Economic Thought Paradoxes and Their Explanation with the Help of the Concept of World-system Analysis]. *Istoriko-ehkonomicheskie issledovaniya*, vol. 8, no. 3, pp. 24–48.
- Lipsey R.G., Carlaw K.I., Bekar C.T. (2005) *Economic Transformations: General Purpose Technologies and Long Term Economic Growth*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Lucas R.E. (2013) Keynote Address to the 2003 HOPE Conference: My Keynesian Education. *Collected Papers on Monetary Theory*, by R.E. Lucas, Jr. Cambridge (Mass.)–London: Harvard Univ. Press, pp. 503–516.
- Mal'cev A. (2015) Istoriya ehkonomicheskikh uchenij, quo vadis? [History of Economic Thought: Quo Vadis?]. *Voprosy ehkonomiki*, no. 3, pp. 126–150.
- Mal'cev A. (2014) K voprosu o social'no-ehkonomicheskom “zakate” krupnyh gosudarstv: praeteritum et praesens [On the Issue of Big States Socio-economic “Sunset”: Praeteritum et Praesens]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 11, pp. 115–124.
- Mal'cev A.A. (2016) Metodologicheskij landschaft istorii ehkonomicheskikh uchenij: novye istoriograficheskie al'ternativy i vozmozhnosti [Methodological Landscape of the History of Economic Thought: New Historiographical Alternatives and Opportunities]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 6. Ekonomika*, no. 1, pp. 44–63.
- Marcuzzo M.C. (2008) Is History of Economic Thought a “Serious” Subject? *Erasmus Journal for Philosophy and Economics*, vol. 1, iss. 1, pp. 107–123.
- Marx L., Smith M.R. (1994) Introduction. *Does Technology Drive History? The Dilemma of Technological Determinism*. Cambridge (Mass.): The MIT Press.
- McCloskey D.N. (2010) *Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- McCloskey D.N. (1998) *The Rhetoric of Economics*. Madison: Univ. of Wisconsin Press.
- McLure M. (2001) *Pareto, Economics and Society: the Mechanical Analogy*. London: Routledge.
- Mehrling P. (1982) Testing Monetarism, *Challenge*, vol. 25, no. 4, pp. 62–65.
- North D.C. (1991) Transaction Costs, Institutions, and Economic History. *The New Institutional Economics: a Collection of Articles from the Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Tübingen: Mohr.
- Oganesyan T. (2009) Stremya, porodivshee feodalizm [The Stirrup, Which Gave Birth to Feudalism]. *Ekspert*, no. 29, pp. 9–15.
- Ol'sevich Yu. (1998) Hozyajstvennaya transformaciya i transformaciya teorii [Economic Transformation and the Transformation of Theory]. *Voprosy ehkonomiki*, no. 6, pp. 14–28.
- Orlov I.B. (2010) Mikroistoria: “atomizaciya” istoricheskoy real'nosti ili ee inoj obraz? [Micro-history: “atomization” of Historical Reality or Its Different Form?] (<https://www.hse.ru/data/2010/03/13/1231126164/%D0%9C%D0%B8%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F.pdf>).
- Pinar W.F. (2013) *Curriculum Studies in the United States: Present Circumstances, Intellectual Histories*. New York: Palgrave Pivot.
- Pokidchenko M.G. (2012) Social'no-ehkonomicheskaya mysl' Rossii serediny XVIII–nachala XX v. [Russian Socio-economic Thought in the Middle of XVIII–Early XX century]. *Puti razvitiya ehkonomiki Rossii: teoriya i praktika* [Ways of Development of the Russian Economy: Theory and Practice]. Moscow: INFRA-M.
- Polterovich V. (2009) Gipoteza ob innovacionnoj pauze i strategiya modernizacii [The Innovation Pause Hypothesis and Strategy of Modernization]. *Voprosy ehkonomiki*, no. 6, pp. 4–22.
- Rip A., Kemp R. (1998) Technological Change. *Human Choice and Climate Change*, vol. 2: *Climate Change Resources and Technology*. Columbus: Battelle Press.
- Robbins L. (1932) *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. London: Macmillan.
- Rodzhers E. (1970) *Fizika dlya lyuboznatel'nyh* [Physics for the Enquiring Mind], vol. 2. Moscow: Mir Publishing.
- Rozov N.S. (2009) The Historical Macrosociology: Formation, Fundamental Areas of Research and Types of Models. *Sociology: History, Theory, and Practices*, vol. 10. Bridging the World Together. Moscow. Institute of Socio-political Research RAS, pp. 24–35.

Ryazanov V. (2011) Politicheskaya ehkonomiya osobennogo: nachala russkoj issledovatel'skoj tradicii [The Political Economy of Special: the Beginning of the Russian Research Tradition]. *Rossijskij ehkonomicheskij zhurnal*, no. 5, pp. 22–48.

Schumpeter J. A. (2001) *Istoriya ehkonomicheskogo analiza* [Schumpeter J. A. History of Economic analysis]. St. Petersburg: ekonomicheskaya shkola, vol. 1.

Semyonov Yu. I. (2013) *Filosofiya istorii. Obshchaya teoriya istoricheskogo processa* [The Philosophy of History. The General Theory of the Historical Process]. Moscow: Akademicheskij proekt, Trikssta.

Shionoya Y. (2012) Joseph Alois Schumpeter: the Economist of Rhetoric. *Handbook of the History of Economic Thought: Insights on the Founders of Modern Economics*. New York–Heidelberg: Springer.

Skidelsky R. (1983) *John Maynard Keynes*. Vol. 1: Hopes Betrayed, 1883–1920. London: Macmillan.

Snooks G. D. (1994) *Portrait of the Family within the Total Economy: a Study in Longrun Dynamics, Australia 1788–1990*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Steele H. (2013) *Microhistory and Macrohistory: Different Approaches to the Analysis of History* (<https://historiasenconstruccion.wikispaces.com/file/view/macromicro.pdf>).

Tabb W. K. (1999) *Reconstructing Political Economy: the Great Divide in Economic Thought*. London–New York: Routledge.

Tatarkin A. I., Mal'cev A. A. (2015) Istoriya ehkonomicheskikh uchenij: ochenka proshlogo i perspektivy budushchego [History of Economic Thought: Evaluation of the Past and Future Prospects]. *Zhurnal ehkonomicheskij teorii*, no. 2, pp. 93–106.

Tieben B., Keizer W. (1997) Introduction: Austrian Economics in Debate. *Austrian Economics in Debate*. London: Routledge, pp. 1–22.

Tolkachyov S. A. (2015) Ehkonomicheskaya teoriya i filosofiya postmodernizma [Economic Theory and the Philosophy of Postmodernism] *Istoriya ehkonomicheskikh uchenij* [History of Economic Thought]. Moscow: Yurayt, pp. 421–439.

Weintraub E. R. (2001) Making Economic Knowledge: Reflections on Golinski's Constructivist History of Science. *Journal of the History of Economic Thought*, vol. 23, iss. 2, pp. 277–282.

Winch D. (2002) Introduction. *The Political Economy of British Historical Experience, 1688–1914*. Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 1–31.

Woods T. (1999) *Beginning Postmodernism*. Manchester–New York: Manchester Univ. Press.

Xue J. (2014) *Economic Growth and Sustainable Housing: an Uneasy Relationship*. Abingdon–New York: Routledge.

Zaostrovcev A. P. (2014) *O razvitanii i otstalosti: kak ehkonomisty ob'yasnyayut istoriyu?* [On the Development and Backwardness: How Economists Explain History?]. St. Petersburg: European Univ. Publishing House.

Zweynert J. (2008) *Istoriya ehkonomicheskij mysli v Rossii, 1805–1905* [The History of Economic Thought in Russia, 1805–1905], Moscow: HSE.

© A. Мальцев, 2016